

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Идеология и жаргон

Адорно Т.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / Пер.: Е.В.Борисов. — М.: “Канон +” РООИ “Реабилитация”, 2011. — 191 с.

В 1964 году Теодор Адорно издал книгу, читателя которой, ранее не знакомого с этой работой, ждет сюрприз. В ней в качестве ярких образцов идеологического мышления выступают не второстепенные продукты массовой культуры, которыми насыщена повседневная жизнь общества, а работы признанных классиков немецкой философии Мартина Хайдеггера, Карла Ясперса, Отто Больнова и др. Кажется, что ты имеешь дело с разновидностью особого литературного жанра, философского фельетона, ведь только в сатирическом тексте можно назвать сочинения Хайдеггера жаргоном — великого Хайдеггера, перед текстами которого трепещет сердце почти каждого профессионального философа.

Однако слово “жаргон” только в русском и украинском языках обросло негативными коннотациями, указывающими на персонажей уголовного мира. На самом деле жаргон — это всего лишь социальный диалект, который говорящего на нем автоматически зачисляет в определенную социальную группу. И тут возникает первый вопрос к Адорно: если жаргон выражает диалект группы, то как он в качестве языка группы может быть идеологией целого общества? На самом деле здесь противоречия нет, поскольку специфическая лексика отдельной группы может проникать и в другие слои общества. Сам Адорно определяет жаргон в своем тексте неоднократно, каждый раз пытаясь обнаружить в нем новый смысл.

С философией Хайдеггера и близких ему по духу мыслителей в жизнь немецкого общества проник жаргон, особый язык, язык, искажающий и лакирующий реальность, язык, который Адорно называет идеологией. Здесь следует напомнить, что до Адорно два великих немца Карл Маркс и Фридрих Энгельс в середине XIX века критиковали взгляды таких немецких философов, как Людвиг Фейербах, Бруно Бауэр, Макс Штирнер, и заключили свою критику в увесистый том, назвав его “Не-

мецкой идеологией”; это объемное сочинение около сорока печатных листов, изучать которое во времена Советского Союза должен был каждый студент философского факультета.

Удивительный народ эти немцы. Оказывается, сочинения философов могут с интересом поглощаться читающей публикой как свеженапечатанная газета, становиться предметом повседневных разговоров. Так было во времена классиков марксизма, так, считает Адорно, происходит в его время.

Основоположники марксизма в своей критике вышеназванных философов не очень-то были озабочены соблюдением политкорректности, а иногда и элементарной вежливости. Сочинения своих оппонентов они называют “овечьим бляением”, которое в философской форме повторяет представления немецких бюргеров и отражает убожество немецкой действительности.

Адорно тоже в своей критике не церемонится в выражениях, тут мелькают такие фразы, как “идеологическая мастурбация мелкой буржуазии”, “философская банальность”, “цирковой фокус”, “тотальность иллюзии” и даже “философское жульничество”.

Главное наблюдение, позволившее Адорно говорить о немецкой философии как об идеологии, заключается в его убеждении, что идеологемы хайдеггеровской философии проникли во все поры общества. Из философии и теологии этот язык распространился в сферу педагогики, в народные университеты и молодежные союзы “вплоть до возвышенного красноречия депутатов от хозяйства и администрации” (с. 10). Философский жаргон проник и в обыденную речь. “Один человек после долгой разлуки писал, что экзистенциально он обеспечен; требовалось некоторое размышление, — смеется Адорно, — чтобы понять, что у него нет финансовых проблем” (с. 18).

Согласно Адорно, жаргон в языке узнается по определенному набору слов, которые выполняют функцию сигналов. Это слова “подлинный”, а также “экзистенциальный”, “в решимости”, “поручение”, “зов”, “встреча”, “настоящий разговор”, “высказывание”, “стремление”, “связь”. Из приведенного перечня видно, что кроме слова “экзистенциальный” все остальные взяты из обыденного языка и, с первого взгляда, никакого отношения к философскому жаргону не имеют. Ведь у Хайдеггера масса слов — неологизмы, которые всегда представляют особые затруднения для переводчика, и их почему-то Адорно не называет. А не называет он их по той причине, что для него свидетельством работы жаргона становится использование “элементов эмпирического языка” как философских понятий. Превращение слов повседневного языка в жаргон происходит благодаря “жесту уникальности”. “Элементами эмпирического языка... манипулируют так, словно они принадлежат некоему истинному, данному в откровении языку” (с. 11).

Что же жаргон делает со словами? Первым делом он пытается их сакрализировать. Сакрализация слов позволяет установить некую имитацию интимности между говорящими. Как же достигается эффект сакрализации? Ведь речь идет о философском тексте, созданном в режиме рационального мышления. Адорно не дает систематического ответа на этот вопрос, хотя вся его небольшая работа посвящена его решению. Это и распад системы живого языка на отдельные слова, и выхолащивание их содержания, и обращение к допонятийной, миметической стихии языка. “Сакральные без сакрального содержания, замороженные эманации, ключевые слова жаргона подлинности суть продукты распада ауры” (с. 14). Появлению жаргона, возносящемуся над сферой фактического, способствует особое строение языка, неустранимый мифический элемент. Этот мифический элемент Адорно видит в специфической автономии языка, в способности языковых форм существовать независимо от вещи и сохраняться после того, как она исчезла. С его точки зрения продуктивно только критическое отношение к архаическому слою языка, а не его утверждение и усиление в жаргоне.

В жаргоне Адорно видит также скрытые отношения власти, в нем удваивается реальное принуждение, а его целительные формулы — это формулы власти, заимствованные из иерархизированных инстанций. Предъявление такого обвинения о связи жаргона с институтами власти основывается на его скрытой апелляции к авторитету, в его воле к священному в ситуации, когда истина откровения перестала быть предметом повседневной веры, а теологическое освобождение от закосневшей догмы приводит к зарождению либеральной теологии.

Адорно не был бы ярким представителем Франкфуртской школы, если бы не пытался указать на социальные корни данного явления. Распространению жаргона способствует особая культура служащих, чье существование всегда под вопросом, чье групповое поведение заражено завышенной самооценкой и коллективным нарциссизмом. В целом социальный анализ жаргона достаточно поверхностный и сводится к констатации его консервативной природы, стремления представить “временные и несовместимые с нынешним состоянием производительных сил общественные формы как нечто непреходящее” (с. 56). Удивительно то, что сходные упреки в антиисторизме, в стремлении рассматривать конечные исторические формы как абсолютные предъявляли буржуазной идеологии Маркс и Энгельс.

Своеобразной концентрации идеологического лицемерия жаргон достигает в понимании природы человека. Обращение Хайдеггера к “голой” сущности человека оставляет вне поля зрения философа подавляющие его состояния общества. Хайдеггер строит не фундаментальную антропологию, а фундаментальную онтологию, в которой проблемы бытия и проблемы человека должны потерять свою самостоятельность, сам человек есть человек на основе *Dasein*. Соответственно, “понимание” у Хайдеггера имеет онтологический статус, это не уразумение некоторого наличного предмета, а умение, способность быть. Такой онтологический антураж вокруг проблемы человека создает ощущение, что все культурные, исторические формы существования человека становятся лишними, наносными, и тебе открывается его подлинная суть. Все это чрезвычайно раздражало Адорно и вызывало у него горький сарказм. “Публике предлагается цирковой фокус: увидеть ничтожность как бытие, усмотреть в нужде, которую в действительности можно устранить или, по меньшей мере, смягчить, венец человечности” (с. 76). “Возвышение человека в понятии бессильно против его действительного низведения до набора функций. Когда с помощью магической формулы *Dasein* закрывают глаза на общество и обусловленную им психологию реальных индивидов и настаивают на трансформации абстрактного в гегелевском смысле человека... возвышение оказывается не более чем продолжением старой угнетающей идеологии” (с. 81).

А как же Хайдеггер относился к подобной критике? Он никогда не выступал с опровержениями. Говорят, что как-то раз в разговоре по этому поводу он заметил: а посмотрите, кто у него (Адорно) учитель. Я не знаю, кто был учителем Адорно, наверное, малоизвестная фигура из Венского университета. Зато известно, кто был учителем Хайдеггера. Им был Эдмунд Гуссерль, который после чтения его знаменитого трактата, написал на полях книги: “Вся проблематика есть перенос, Его соответствует *Dasein* etc. При этом все становится глубокомысленно неясным и философски теряет свою ценность”.